

Моск. новости. — 2002 — 17-23 дек. — с. 24**ВЫСТАВКА****Головная
боль для
копиистов**

В Третьяковке на Крымском валу открыта выставка «Дионисий, живописец пресловущий»

В Третьяковке отмечают юбилей. Дата весьма круглая — 500 лет. Виводник торжества — русский иконописец Дионисий, который ровно полтысячи лет назад с артелью, в которую входили двое его сыновей, расписал фресками собор Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. Говорят, что мастера тогда поставили своего рода «производственный рекорд» — управились за 34 дня. Но, конечно, не это определило значение ферапонтовских росписей.

Во-первых, они сохранились достаточно хорошо. Во-вторых, «вельми чудны», как выражались современники. Изящество, доходящее до рафинированности, декоративность, четкость композиций и удивительный цвет делают эти фрески памятником мирового значения. В русском средневековом искусстве всего три громких имени: заезжий Феофан Грек, Андрей Рублев и Дионисий. Специфика православного искусства не располагала к проявлению индивидуальности, просто эти трое были особенно хороши. Дионисия называют продолжателем «рублевской» линии искусства и одновременно зачинателем новой; его влияние ощущается в большинстве дошедших до нас произведений русских иконописцев, вплоть до второй половины XVI века.

В отличие от монаха Рублева, Дионисий был мирянином, причем из довольно знатного рода. Ему покровительствовали такие персоны, как Иосиф Волоцкий и доверенное лицо Ивана III архиепископ ростовский Вассиан Рыло. Неудивительно, что, когда Аристотель Фиораванти в 1475 — 1479 годах поставил Успенский собор в Кремле, алтарную преграду в нем поручили расписывать Дионисию «со товарищи».

Ферапонтов монастырь случился позже — в 1500 — 1502 годах. Здесь мастер развернулся как удивительный колорист, его палитру называют самой богатой и разнообразной среди русских иконописцев. Эти цвета были потом головной болью для копиистов. Много спорили по поводу того, использовал ли Дионисий местные глины и озерные камешки для своих нежных пастельных красок или цвета просто поблекли от времени.

В копиях-то и представлены ферапонтовские фрески на нынешней выставке, равно как алтарные образы Успенского собора. Немного странно видеть эту «персональную» экспозицию на Крымском валу — по соседству с татлинской башней III Интернационала, в том же гуттаперчевом зале, где вились лабиринты выставки «Звук и образ», висели залитые черным гудроном холсты Пьера Сулажа и многое другое. Выставку Дионисия уже успели обругать: за красный цвет драпировки стен, за маленькую беседку в центре зала с копией купола Рождественской церкви. Тем не менее пространство организовано очень хорошо: выделен зал с иконами, копии фресок отгорожены, в отдельном затемненном углу выставлены рукописи и фотографии. Конечно, смущает, что за алтарным рядом икон не алтарь, а еще один выставочный зал или что Христа Пантократора в куполе приходится рассматривать в упор, но это уже вопрос о правомочности светской выставки религиозного искусства — давний спор музейщиков и церковников.

Икона — святыня, ее место в церкви, где она проживет полноценную, но, скорее всего, недолгую жизнь, так как правильные условия хранения ей никто обеспечить не сможет. И пятисотлетнюю драгоценность, вроде дионисиевского «Распятия», ни у кого рука не повернется обречь на такую участь. Но и делать из музейной выставки церковный зал, дабы создать соответствующий антураж, — мера чисто внешняя: храма все равно не получится.

Игорь ЧУВИЛИН